

Происхожденіе эллинистическаго культа царей.

Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ религіозно-политическихъ институтовъ древняго міра былъ тотъ культъ царствующаго монарха, который легъ въ основу государственной жизни народовъ эллинистической эпохи. Съ тѣхъ поръ, какъ на смѣну старымъ республиканскимъ формамъ античной государственности выступила абсолютная монархія съ ея бюрократической организаціей и претензіями на универсальное господство, — личность царя дѣлается основнымъ центромъ политической жизни и постепенно присваиваетъ себѣ всѣ тѣ прерогативы, которыя вѣкогда были неотъемлемой собственностью греческаго полиса. Безусловное самодержавіе водворяется не только въ образовавшихся изъ древняго царства Ахеменидовъ восточныхъ странахъ: въ собственной Греціи, тамъ, гдѣ еще недавно господствовали принципы высокой политической свободы, воля какаго-нибудь ничтожнаго діадоха значить теперь несравненно болѣе, чѣмъ всѣ параграфы вѣковой конституціи. Ни въ одну эпоху всемірно-историческаго развитія абсолютная монархія не достигаетъ такого полнаго расцвѣта, какъ это было въ эллинистическомъ мірѣ. Людовикъ XIV, съ его знаменитымъ принципомъ «L'état c'est moi» могъ бы позавидовать блестящему положенію своихъ древнихъ единомышленниковъ, такъ какъ, несмотря на все могущество французскаго короля, ему все-же недоставало того, чѣмъ были такъ сильны Птолемеи и Селевкиды, — полнаго господства надъ церковью. Въ средніе вѣка и на зарѣ новой исторіи монархъ править «Божьей милостью», которая легко можетъ отвернуться отъ своего помазанника, въ случаѣ если послѣдній дѣлается противникомъ духовенства. Въ эллинистическомъ мірѣ царю не угрожаетъ съ этой стороны

никакой опасности: онъ самъ богъ, и его воля должна быть священной для народа, независимо отъ его поступковъ. Какое-бы доминирующее значеніе въ исторической жизни даннаго народа ни имѣло жреческое сословіе, оно не можетъ быть опаснымъ для того монарха, который причисленъ къ лику боговъ и не знаетъ надъ собою другого, болѣе высшаго существа. Мало того: въ эллинистическихъ государствахъ жрецы царскаго культа были своего рода *архіереями*, верховными начальниками надъ всѣми другими священнослужителями. Такимъ образомъ, интересы высшаго духовенства были неразрывно связаны съ прочностью трона и, разумѣется, было-бы странно, если-бы жрецы возстали противъ собственнаго бога.

Обожествленіе личности царствующаго монарха не представляетъ собою чего либо безусловно новаго, свойственнаго исключительно эллинистической эпохѣ. Извѣстно, что культъ царей существовалъ съ древнѣйшихъ временъ тамъ, гдѣ онъ и впоследствии получилъ наиболѣе блестящее развитіе,—въ Египтѣ. Но,—что особенно характерно для эпохи эллинизма, — царскій культъ далеко перешагнулъ за предѣлы страны фараоновъ и сдѣлался постояннымъ атрибутомъ всѣхъ монархическихъ государствъ на побережьѣ Средиземнаго моря. Свободолюбивая Греція не только не противодѣйствуетъ побѣдоносному шествію новой идеи, но, напротивъ, является своего рода распространительницей царскаго культа и заноситъ его даже туда, гдѣ ранѣе не существовало ничего подобнаго, — напр., въ Сирію. Историкъ, привыкшій къ различнаго рода политическимъ метаморфозамъ, не можетъ, однако, не удивляться при видѣ той изумительной быстроты, какою сопровождался переворотъ въ государственной жизни древней Греціи, — переворотъ, приведшій къ полному уничтоженію политической свободы старыхъ временъ и безусловному торжеству восточнаго абсолютизма. Трудно повѣрить, чтобы тотъ самый Демосфенъ, который еще недавно направлялъ громы и молніи противъ побѣдоноснаго царя Филиппа за его стремленіе къ господству надъ Греціей, черезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ могъ совѣтовать афинянамъ согласиться на обожествленіе Александра, несмотря на то, что послѣдній въ то время не только издѣвался надъ греческой свободой, но явно стремился поработить Элладу и сдѣлать ее простой провинціей своей варварской монархіи. Прошло всего

какихъ-нибудь 15 лѣтъ послѣ смерти великаго афинскаго борца за свободу, когда его соотечественники, забывъ все прошлое величіе своей родины, толпились съ факелами въ рукахъ вокругъ Димитрія Полиоркета, провозглашая его богомъ-спасителемъ (θεὸς σωτήρ). Позднѣе, когда обожествленіе личности царя приняло officialный характеръ, греческіе подданные Египта, Сиріи, Пергама и другихъ эллинистическихъ государствъ точно такъ же, какъ и туземное население, были обязаны участвовать въ царскомъ культѣ, не говоря уже о томъ, что самыя формы этого культа имѣли, какъ мы увидимъ далѣе, чисто-эллинскій, а отнюдь не восточный характеръ. Это обстоятельство заставляетъ большинство современныхъ изслѣдователей смотрѣть на царскій культъ, какъ на чисто греческое созданіе, въ противоположность распространенному ранѣе въ исторической наукѣ взгляду, въ силу котораго обожествленіе царствующаго монарха было приписано торжеству восточныхъ традицій надъ міромъ умирающаго эллинизма. Еще Белохъ не рѣшается цѣликомъ отвергнуть воздѣйствія Востока на образованіе эллинистическаго культа; — обоготвореніе Александра было, по его мнѣнію, первымъ актомъ вліянія покореннаго населенія на побѣдителей и привело въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи къ торжеству византизма¹⁾. Совершенно противоположная точка зрѣнія была выставлена Корнеманомъ²⁾, по мнѣнію котораго царскій культъ въ своей первоначальной формѣ представлялъ собой не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе древне-греческаго почитанія героевъ, и инициатива въ введеніи этого культа принадлежала не Александру и діадохамъ, а самимъ грекамъ³⁾. Противъ этого взгляда возстаютъ Керстъ⁴⁾, который, однако, не отрицаетъ преобладающаго значенія греческихъ элементовъ въ первоначальной организаціи эллинистическаго культа, а расходится съ Корнеманомъ лишь въ томъ отношеніи, что не можетъ признать полнаго тождества между обожествленіемъ Александра и первыхъ діадоховъ съ одной стороны и древнимъ почитаніемъ ге-

¹⁾ Griechische Geschichte, III 1) стр. 51. См. также стр. 369 слл.

²⁾ Klio I (1901) стр. 52 и сл.

³⁾ Подобнаго же мнѣнія придерживается Ad. Bauer, Vom Griechentum zum Christentum (1910) стр. 61 и сл.

⁴⁾ Geschichte des hellenistischen Zeitalters II (1909) ст. 418. См. также Rh. Mus. т. 52 (1897) стр. 42 и сл.

роевъ съ другой. Царскій культъ въ эпоху эллинизма былъ съ точки зрѣнія Керста, лишь «дальнѣйшимъ развитіемъ религіозныхъ и политическихъ идей, коренящихся въ греческомъ міровоззрѣніи, но эти идеи получили совершенно своеобразный, отличный отъ древнихъ вѣрованій, характеръ. Обоженствленіе царствующаго монарха было непосредственнымъ результатомъ того могучаго индивидуалистическаго прогресса, въ силу котораго вѣра въ божественное начало государства смѣнилась вѣрою въ сверхчеловѣческую, богоподобную личность. Въ возникновеніи эллинистическаго культа рѣшающая роль принадлежитъ, такимъ образомъ, Греціи, но не той Греціи, которая извѣстна намъ подъ именемъ «классической», а новой, прошедшей черезъ призму культурно-политическаго процесса IV вѣка, обновленной и духовно-реформированной Элладѣ. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ возникновеніи царскаго культа Греціи принадлежала несравненно болѣе рѣшающая роль, чѣмъ это предполагалось ранѣе, но съ другой стороны, едва-ли возможно совершенно отрицать вліяніе древне-восточныхъ традицій на обоготвореніе эллинистическихъ монарховъ. Нельзя, какъ намъ кажется, приписывать простой случайности тотъ въ высокой степени характерный фактъ, что наиболѣе блестящее развитіе officialнаго культа царей имѣло мѣсто какъ разъ тамъ, гдѣ издревле существовала вѣра въ божественность монарха—въ Египтѣ. Съ другой стороны, по совершенно справедливому замѣчанію Вилькена ¹⁾, не случайно было и то обстоятельство, что въ единственной изъ эллинистическихъ монархій, возникшей не на восточной почвѣ, въ Македоніи, царскаго культа совершенно не существовало. Обоготвореніе личности царя представляетъ собой апоѳеозъ монархической идеи, а послѣдняя, внѣ всякаго сомнѣнія, родилась не на развалинахъ умирающаго полиса, а въ мірѣ тысячелѣтняго абсолютизма, на Востокѣ, и только оттуда совершила свое побѣдоносное шествіе на Западъ. Обыкновенно указываютъ, что обоготвореніе личности было не свойственно религіозному міросозерцанію восточныхъ народовъ, гдѣ между божествомъ съ одной стороны и человѣкомъ съ другой лежала непроходимая пропасть, между тѣмъ какъ

¹⁾ Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde von L. Mitteis und U. Wilcken (1912) I, стр. 98.

греческій антропоморфизмъ вполне допускалъ такое сближеніе. Греческіе боги не были творцами міра и, подобно простымъ смертнымъ, были рождены во времени; они не гнушались вступать въ связь съ земными дѣвушками, и дѣти отъ этихъ браковъ, какъ напр., Гераклъ, сами впослѣдствіи причислялись къ числу небожителей. Вѣра въ возможность вознесенія человѣка на небо, дѣйствительно, существовала въ Греціи, но она вовсе не была совершенно чужда и Востоку:—достаточно указать на извѣстное сказаніе объ Угъ-Напиштимѣ, героѣ древне-вавилонскаго эпоса о Гильгамешѣ. Вообще, вѣра въ возможность близкаго единенія человѣка съ божествомъ исчезаетъ только въ томъ случаѣ, если религіозная система даннаго народа начинаетъ принимать монотеистическій характеръ, а послѣдній вовсе не представлялъ собою какую то исключительную особенность восточнаго міровоззрѣнія: изученіе эллинской философіи показываетъ, что въ религіозномъ міросозерпаніи Греціи монотеизмъ съ теченіемъ времени нашелъ, быть можетъ, болѣе совершенное выраженіе, чѣмъ это было на Востокѣ. Нельзя наконецъ говорить о какой то неизмѣримой пропасти между божествомъ и человѣкомъ на томъ самомъ Востокѣ, гдѣ обоготвореніе царя существовало съ древнѣйшихъ временъ и какъ нельзя болѣе импонировало общей монархической организаціи. Правда, мы не можемъ документально установить вліяніе древне-вавилонскаго культа царей на государственное устройство восточныхъ странъ позднѣйшаго времени, но при томъ огромномъ значеніи, которое выпало на долю древняго Вавилона, извѣстнаго рода психологическое воздѣйствіе представляется вполне правдоподобнымъ⁶⁾. Персидское государство не знало обоготворенія монарховъ, но то рабское поклоненіе (Προσκύνησις) подданныхъ передъ особою царя, которое было такъ отвратительно для свободолюбивыхъ эллиновъ, скорѣе могло содѣйствовать возникновенію эллинистическаго культа,

⁶⁾ Ср. Wendland, Die hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum (1912) стр. 124. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что идея о царѣ-спасителѣ—βασιλεὺς σωτήρ—скорѣе греческаго, чѣмъ восточнаго происхожденія, какъ это неправильно предполагаетъ Winkler (Altorientalische Geschichts-auffassung стр. 64). Но дѣло идетъ здѣсь не о мессіанскомъ значеніи монархической власти, а о культѣ царей, какъ государственномъ учрежденіи, что, дѣйствительно, имѣло мѣсто въ древнемъ Вавилонѣ (Radau, Early Babylonian History стр. 307).

чѣмъ древне-греческое почитаніе героевъ⁷⁾. Мы не станемъ, наконецъ, указывать на то огромное вліяніе, которое, разсуждая а ргіогі, должны были оказать вѣковые устои египетской государственности на происхожденіе позднѣйшей идеи божественнаго начала монархической власти,—сама исторія возникновенія эллинистическаго культа не даетъ, какъ намъ кажется, права совершенно игнорировать египетскіе элементы въ процессѣ обоготворенія Александра Великаго и его преемниковъ.

Древне-восточная вѣра въ божественное происхожденіе царской власти не была чужда и Греціи въ начальный періодъ ея исторической жизни. Авторъ эпоса производитъ власть Агамемнона отъ самого Зевса:

«Да будетъ единый владыка,

Царь единый, которому Кроноса хитраго сыномъ

Скипетръ данъ и законы затѣмъ, чтобы царилъ онъ надъ нами».

Но въ ту эпоху царская власть доживала послѣдніе дни своего существованія и не имѣла уже никакого обаятельнаго ореола въ глазахъ подданныхъ. Выступившая на смѣну древней монархіи греческая аристократія точно также пыталась санкціонировать свое господство ссылками на божественное происхожденіе,—большинство знатныхъ родовъ выводилось теперь отъ боговъ и національных героевъ Эллады. Но несравненно болѣе важное значеніе имѣлъ тотъ культъ основателей городовъ (ἡρώς κτίστης), который особенно распространялся среди дорическихъ племенъ. Алтарь героя находился обыкновенно на главной площади города, и всѣ граждане приносили на немъ свои жертвы⁸⁾. Но несмотря на широкое распространеніе героическаго культа среди греческихъ общинъ, дѣло никогда не доходило до почитанія живого человѣка и только въ эпоху упадка политической независимости Эллады можно констатировать нѣсколько случаевъ подобнаго рода. Такъ, по словамъ Плу-

⁷⁾ О различіи между проскинезой и царскимъ культомъ см. *Niese* (Hist. Zeitschr. т. 79, 1897, стр. 5 слл.). Напротивъ, *Radet* (Revue des univ. du midi, Bordeaux. 1895, 139) сближаетъ между собой эти два явленія, основываясь преимущественно на словахъ Атоссы у Эсхила въ „Персахъ“, 157. Ср. также павсагдское изображеніе Кира съ аммоновыми рогами и головнымъ уборомъ египетскаго бога-царя. *Верманъ*, Ист. искусства (русск. пер.) т. I, стр. 277.

⁸⁾ *Pfister*, Der Reliquienkult im Altertum I (1909) стр. 295.

тарха ¹⁾), знаменитый спартавскій полководец Лизандръ удостоился героическихъ почестей со стороны самосцевъ, которые воздвигли ему алтарь и устроили въ честь его торжественныя игры. Приблизительно въ это же время Діонисій Сиракузскій объявилъ себя сыномъ Аполлона, а Клеархъ изъ Гераклен—сыномъ Зевса. Впрочемъ, въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ нельзя усматривать обоготворенія властелиновъ въ томъ смыслѣ, какой пріобрѣло оно въ эллинистическую эпоху: оба тиранна хотѣли, вѣроятно, просто легитимизировать свою власть ссылками на божественное происхожденіе, что, какъ мы видѣли, сплошь и рядомъ имѣло мѣсто среди представителей аристократическихъ родовъ. Вообще, обожествленіе живого человѣка едва-ли могло широко распространиться въ Греціи до Македонской эпохи, — скорѣе оно носило чисто спорадическій характеръ и ни въ какомъ случаѣ не выражало собой обще-народныхъ вѣрованій. ²⁾ Обстоятельства совершенно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ царство Ахеменидовъ пало подъ ударами молодого македонскаго царя Александра, и греческій міръ пришелъ въ живое соприкосновеніе съ мало извѣстной ему ранѣе древне-восточной культурой. Къ этому времени относится возникновеніе того царскаго культа, который съ тѣхъ поръ началъ постепенно ложиться въ основу вновь образовавшихся монархій эллинистической эпохи. Культъ великаго завоевателя такъ или иначе послужилъ прообразомъ и даже непосредственнымъ источникомъ позднѣйшихъ обожествленій эллинистическихъ царей, и поэтому для насъ является чрезвычайно важнымъ прослѣдить исторію возникновенія этого культа и опредѣлить, насколько сильны были въ немъ греческіе элементы съ одной стороны и древне-восточныя традиціи съ другой.

Наиболѣе важнымъ моментомъ въ исторіи возникновенія культа Александра является, безспорно, то паломничество въ оазисъ бога Аммона, которое предпринялъ царь во время своего египетскаго похода. Жрецы провозгласили Александра сыномъ Аммона, и это названіе сдѣлалось съ тѣхъ поръ какъ-бы вторымъ именемъ царя, неразрывно связаннымъ съ его культомъ, подобно тому, какъ въ впо-

¹⁾ Lys. 18 (Ср. F. H. G. II, 481, 65).

²⁾ Ср. Pfister, ук. соч, II (1912) стр. 589, который, впрочемъ, противорѣчитъ себѣ на стр. 179 (I т.).

слѣдствіи имена Сотера, Филадельфа, Эвергета и т. д. стали употребляться въ качествѣ дополнительныхъ именъ діадховъ. Но кто же былъ этотъ могущественный богъ, сыгравшій для Александра такую-же роль, какъ Сараписъ для Птолемеевъ или Аполлонъ для Августа? Самое названіе его «Зевсъ—Аммонъ» указываетъ на ту эпоху, когда древне-египетскія божества особенно часто стали ассоціироваться съ греческими, и когда впервые были положены прочныя зачатки столь могущественнаго въ послѣдствіи религіознаго синкретизма. Но все же культъ этого бога былъ чисто египетскаго происхожденія, и почитаніе его въ Греціи вплоть до похода Александра было распространено ничуть не болѣе, чѣмъ культъ другихъ иноземныхъ боговъ. Мы не видимъ никакого основанія считать, подобно Керсту, что египетское происхожденіе Зевса—Аммона не сыграло никакой роли въ процессѣ возникновенія царскаго культа, такъ какъ Александръ опирался не на мѣстное, а на универсальное историческое значеніе этого бога ¹⁾. Если Керстъ находитъ возможнымъ сослаться на слова Роде ²⁾, что «герой, эмансипированный отъ своей локальной оболочки, превращается въ бога», то неужели-же подобнаго рода метаморфоза мѣстнаго божества въ универсальное менѣе допустима по отношенію къ Аммону, который къ тому-же еще до Александра вышелъ за предѣлы своей первоначальной отчизны? Какъ сынъ Аммона, Александръ несравненно болѣе могъ легитимизировать свою всесвѣтную власть, чѣмъ въ качествѣ основателя или благодѣтеля малоазіатскихъ городовъ. Съ другой стороны, походъ въ оазисъ Аммона чрезвычайно важенъ для оцѣнки того глубокаго переворота, который произошелъ съ теченіемъ времени въ самой личности царя и который такъ или иначе не могъ не воздѣйствовать на образованіе новаго культа. Вмѣстѣ съ походомъ въ Египетъ былъ навсегда похороненъ тотъ пылкій юноша, который выступилъ въ Азію съ очевиднымъ намѣреніемъ осуществить идеи папаллнизма, идеи, нѣкогда носившіяся еще передъ его отцомъ Филиппомъ, другомъ и сподвижникомъ великаго Исократы. Съ этихъ поръ Александръ начинаетъ постепенно превращаться въ настоящаго,

¹⁾ Hist. Zeitschr. т. 38 (1895) 1 h. стр. 29 и Gesch. d. hell. Zeitalt. II. 377, Того-же мнѣнія придерживается Ad. Bauer, ук. соч. стр. 54.

²⁾ Psyche 12 стр. 184.

восточнаго деспота, и недалеко то время, когда онъ потребуеъ отъ приближенныхъ грековъ варварскаго поклоненія своей особѣ. Быть можетъ, выступая въ Аммоновъ оазисъ, Александръ не задавался какими — нибудь универсально историческими планами и намѣревался только въ глазахъ мѣстнаго египетскаго населенія легитимизировать свою власть, какъ наслѣдника древнихъ фараоновъ; но въ послѣдствіи, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ сдѣлалъ попытку уподобить Египту весь покоренный міръ, попытку, увѣнчавшуюся, какъ извѣстно, полнымъ успѣхомъ. Уже непосредственно послѣ похода царя въ оазисъ, два эллинскихъ святилища признали совершившійся фактъ и въ свою очередь объявили Александра сыномъ Аммона, это были милетскій оракуль Аполлона и сивилла Атенаида въ Эриерахъ. Но далеко не вся Греція послѣдовала примѣру услужливыхъ оракуловъ. — фактъ, показывающій, что культъ Александра, какъ сына Аммона, не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ той героизаціей царя въ Теосѣ и, можетъ быть, въ Клазоменахъ, о которой намъ еще придется упомянуть. Еще въ 324 г., когда македонское правительство потребовало отъ греческихъ городовъ признанія Александра богомъ, это предложеніе встрѣтило крайне оппозиціонное, частью даже насмѣшливое отношеніе, — достаточно вспомнить знаменитое постановленіе спартанцевъ: «если Александръ хочетъ быть богомъ, то пусть онъ будетъ имъ». И хотя обожествленіе царя было въ концѣ концовъ признано, все же существованіе оппозиціи противъ этого новшества служить въ нашихъ глазахъ доказательствомъ не греческаго происхожденія культа Александра. Послѣдній былъ обожествленъ не какъ высоко выдающаяся надъ обыкновенными смертными личность, не какъ греческій герой или потомокъ Геракла, а какъ сынъ египетскаго Аммона, и самый фактъ обожествленія является, по-видимому, зловѣщимъ симптомомъ упадка національной религіи и, что несравненно важнѣе, признакомъ разложенія классической государственности. Обоготвореніе Александра было первымъ актомъ той могущественной оріентализаціи государственнаго и общественнаго быта древней Греціи, которая именно съ этого времени начинаетъ постепенно подтачивать основные устои старой европейской культуры. Въ особенности аѳиняне ярко выразили это чужеземное происхожденіе царскаго культа, возведя, непосредственно послѣ призна-

ніа Александра богомъ, культъ Аммона на стень государственной религіи ¹⁾ и даже переименовавъ свою священную тріеру «Саламинію» въ «Аммоніаду» ²⁾. Еще много времени сіуетъ послѣ смерти Александра греки сознавали тѣсную связь между обоготвореніемъ царя и культомъ Зевса—Аммона, на что указываютъ портреты этого бога на монетахъ діадоховъ ³⁾. Въ концѣ царствсванія Александра культъ его уже получилъ всеобщее распространеніе, и оппозиція противъ него постепенно умолкла. Когда греки отправляли въ 323 году къ царю посольства, то они выбрали для этой цѣли не обыкновенныхъ пословъ, а ѳеоровъ, пришедшихъ привѣтствовать Александра, какъ бога. (Арг. VII. 23).

Но по ряду съ этимъ признаніемъ божественности монарха, Александръ былъ кромѣ того обоготворенъ нѣкоторыми общинами, какъ герой-покровитель города. По словамъ Страбона ⁴⁾, вблизи Теоса существовала посвященная Александру роща, гдѣ были организованы въ честь царя торжественныя игры, носившія названіе Александрей. Съ другой стороны, культъ Александра сохранился до римскаго времени въ Эриорахъ ⁵⁾ и до III вѣка въ Клазоменахъ, если только въ послѣднихъ можно вывести его существованіе изъ позднѣйшаго культа Антіоха Сотера ⁶⁾. Разумѣется, Александръ

¹⁾ Aug. Mommsen (Neortologie стр. 114) полагаетъ даже, что учрежденіе культа Аммона было вызвано стремленіемъ аэанянъ угодить царю, какъ признанному сыну египетскаго бога. В. В. Латышевъ, напротивъ, стоитъ за болѣе раннее почитаніе этого божества въ Аэинахъ, но не отрицаетъ, что только во времена Александра культъ Аммона получилъ обще-государственное значеніе (Журн. Мин. Нар. Пр. янв. 1881 г. стр. 30).

²⁾ Arist. 'Αθ. πολ. гл. 61. Впрочемъ, связь между переименованіемъ тріеры и паломничествомъ Александра въ оазисъ Аммона не можетъ считаться вполне доказанной. См. В. П. Бузескуль, Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V вѣка (1895) стр. 126.

³⁾ Появленіе на монетахъ портрета Александра доказываетъ, какъ намъ кажется, совершенно противоположное тому, какъ это хочется Керсту. (Gesch. d. hellen. Zeit. II, 383 сл.). Изображеніе монарховъ было типичнымъ отличіемъ персидскихъ монетъ отъ греческихъ, гдѣ помѣщались обыкновенно боги-покровители даннаго города. Если-же на эллинистическихъ монетахъ Александръ изображаетъ собою не ходячій типъ властелина, какъ это было въ царствѣ Ахеменидовъ, а рѣзко выраженную индивидуальность, то послѣднее доказываетъ просто превосходство греческаго искусства, а вовсе не какой-то символическій переходъ власти полиса на отдѣльную личность.

⁴⁾ XIV, 1, 31.

⁵⁾ Dittenberger, Sylloge inscript. graec² 600.

⁶⁾ Dittenberger, Orientis Graeci inscriptiones selectae, 222.

почитался въ качествѣ ἥρως χρίστης и въ основанныхъ имъ городахъ, но едва-ли этотъ культъ могъ оказать такое огромное вліяніе на всеобщее обожествленіе царя, какъ это предполагаетъ, напримѣръ, Корнеманъ ¹⁾. Культъ героевъ, покровителей даннаго города, былъ неразрывно связанъ съ мѣстомъ ихъ погребенія, между тѣмъ какъ Александръ претендовалъ на универсальное распространеніе вѣры въ его божественность ²⁾, какъ правовое обоснованіе новой системы абсолютизма. Въ своихъ мечтахъ о владычествѣ надъ вселенной Александръ не могъ, разумѣется, удовлетвориться той скромной ролю, которая выпала на долю его предшественниковъ по героизаціи, — только египетское представленіе о царѣ—богѣ могло соотвѣтствовать его фантастическимъ планамъ.

Въ концѣ царствованія Александра былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ, имѣющій, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, рѣшающее значеніе для возникновенія царскаго культа, — мы говоримъ о героизаціи Гефестіона, друга и сподвижника великаго завоевателя. Дѣйствительно, обожествленіе этого «полубога милостью Александра» ³⁾ не могло не оказать воздѣйствія на образованіе культа самого царя, но съ другой стороны, та обстановка, при которой совершилась героизація Гефестіона, показываетъ, насколько древне-греческій культъ героевъ отдалился въ то время отъ своихъ первоначальныхъ формъ. Почитаніе Гефестіона уже не ограничивается мѣстомъ его погребенія, но широко распространяется среди услужливыхъ городовъ и странъ ⁴⁾, — по крайней мѣрѣ на островѣ Саросѣ и въ Египтѣ можно констатировать существованіе этого культа. Самый фактъ обоготворенія ничемъ особенно не замѣчательнаго друга царя служить прекраснымъ доказательствомъ той высоты, которой достигла въ ту пору власть Александра, подобно тому какъ въ римское время культъ Антиноя былъ обусловленъ не его личными качествами, а волею могущественнаго императора Адріана. Въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о какой нибудь дальнѣйшей эволюціи на-

¹⁾ Klio, I, 58.

²⁾ Ср. Kaerst, ук. соч. II, 381.

³⁾ Пѣльманъ, Очеркъ греческой исторіи (русск. перев. подъ редакц. С. А. Жебелева 1910 г.) стр. 313.

⁴⁾ Diod. XVII, 115, 6: προσέταξεν (Ἀλέξανδρος) ἅπασιν θύειν Ἱφιστίωνι θεῷ παρέρῳ.

ціонально-грецескихъ религіознихъ традицій,—обоготвореніе Гефестіона волею всемогущаго царя доказуєть полное торжество того чисто-восточнаго абсолютизма, который такъ характеренъ для послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра. Воля царя явно претендуетъ теперь на доминирующее значеніе не только въ политической, но и религіозной жизни гражданъ, что было такъ характерно для деспотическихъ монархій древняго Востока.

Героизація Гефестіона представляется намъ чрезвычайно любопытнымъ фактомъ въ томъ отношеніи, что она какъ бы узаконяла переходъ культа Александра на его преемниковъ и этимъ подготовила позднѣйшее обоготвореніе діадховъ. Дѣйствительно, власть этихъ послѣднихъ въ значительной мѣрѣ вытекла изъ власти самого Александра и культъ эллинистическихъ монарховъ долженъ былъ такъ или иначе вести свое начало изъ обоготворенія великаго царя. Эту зависимость между культомъ Александра съ одной стороны и его преемниковъ съ другой легче всего прослѣдить именно въ той странѣ, гдѣ обожествленіе царствующаго монарха впервые было возведено на степень государственной религіи, въ Египтѣ. Среди обнаруженныхъ въ 1906—7 г. г. Grenfell'емъ и Hunt'омъ Hibeh—papyri и Rubensohn'омъ Elephantine-pap. находится нѣсколько папирусовъ, бросающихъ свѣтъ на возникновеніе эллинистическаго культа царей въ Египтѣ. Оказывается, въ послѣдніе годы Птолемея Сотера и въ началѣ царствованія Филадельфа въ Египтѣ существовалъ особый эпонимный культъ, причемъ имя божества, которому онъ былъ посвященъ, совершенно не упоминается и поэтому въ данномъ случаѣ возможны различныя предположенія. Этотъ культъ имѣлъ большое значеніе въ сакральной организаціи страны не только въ силу своей эпонимности, но и потому, что жрецами невидимаго бога были обыкновенно лица, занимавшія высокое положеніе въ государствѣ и даже принадлежавшія къ царской фамиліи,—такъ въ одномъ изъ актовъ (28^{5/4}) упоминается въ качествѣ жреца Менелай Лагъ, братъ Сотера. Βασιλεύοντος Πτολεμαίου... ἐφ' ἱερέως Μενελάου τοῦ Λάγου¹⁾. Учрежденіе эпонимнаго культа относится ко времени послѣ 311 года, такъ какъ въ одномъ изъ актовъ, датированномъ этимъ годомъ, ничего не упоминается о немъ и говорится просто:

¹⁾ Eleph. p. 2.

Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἀλεξάνδρου βασιλεύοντος Πτολεμαίου στραπεύοντος ἔτει τεσσαρεσκαίδεκάτῳ μηνὸς Δίου ¹⁾). Датированіе государственныхъ актовъ именемъ жреца эпонимнаго культа встрѣчается нѣсколько разъ вплоть до 270 года, когда на смѣну невѣдомому божеству выступаетъ культъ Александра и θεῶν Ἀδελφῶν т. е. обожествленной царственной четы, Птолемея II и Арсинои. Короткій промежутокъ времени (272—270 г.г.) между культомъ невѣдомаго божества съ одной стороны и Ἀλεξάνδρου καὶ θεῶν Ἀδελφῶν съ другой заставляетъ предполагать, что въ 270 г. не произошло коренного преобразованія эпонимнаго культа, а просто къ нему были присоединены вновь обожествленные царственные супруги θεοὶ Ἀδελφοί. Божествомъ эпонимнаго культа былъ, такимъ образомъ, никто иной, какъ Александръ и, дѣйствительно, къ этому мнѣнію въ настоящее время склоняется большинство изслѣдователей ²⁾. Лишь при этомъ предположеніи можетъ быть объяснено громадное значеніе эпонимнаго культа въ государственной организаціи эллинистическаго Египта, такъ какъ великій македонскій царь былъ не только творцомъ новаго порядка вещей, но и верховнымъ божественнымъ покровителемъ царствующей династіи Птолемеевъ. Самый фактъ учрежденія эпонимнаго культа Александра въ Египтѣ чрезвычайно важенъ для оцѣнки политическихъ пріемовъ Птолемея Сотера, который, какъ извѣстно, пытался не только прочно утвердиться въ древней монархіи фараоновъ, но и въ глазахъ грековъ слѣлаться непосредственнымъ преемникомъ и исполнителемъ завѣтовъ покойнаго владетеля міра. Чрезвычайно характеренъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что культъ Александра въ данномъ случаѣ не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ почитаніемъ его, какъ героя-основателя Александріи, что совершенно неправильно предполагалъ Корнеманъ ³⁾.

¹⁾ Eleph. 1.

²⁾ Только Otto (Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten II, 319) не согласенъ считать Александра божествомъ эпонимнаго культа и высказывается въ пользу Сарapisа, что, однако, мало вѣроятно, т. к. послѣдній въ ту эпоху еще не игралъ рѣшающей роли въ сакральной организаціи Египта. Wilcken (Arch. f. Papyr. IV, 184) указывалъ на Гефестіона, какъ на невѣдомое божество, но этому противорѣчить отсутствіе эпонимнаго культа въ Eleph. 1. (311 г.). Впослѣдствіи (Arch. V, 202) Wilcken отказался отъ предложеннаго имъ взгляда и высказался въ пользу Александра. (Grundzüge. II. Стр. 98).

³⁾ Klio I, 62.

По свидѣтельству Павсанія (I, 6, 3), подтвержденному недавно открытыми фрагментами Паросскаго мрамора, тѣло Алекоандра было первоначально помѣщено Птолемеємъ Сотеромъ въ Мемфисѣ и только при Филадельфѣ перевезено въ Александрію, гдѣ для него былъ къ тому времени выстроенъ великолѣпный храмъ (τῆμα 'Αλεξάνδρου). Такимъ образомъ, культъ царя не былъ связанъ съ мѣстомъ его погребенія, что было необходимымъ условіемъ для древне-греческаго почитанія героевъ. Еще при жизни великаго царя греки привыкли видѣть въ немъ не своего національнаго героя, а сына египетскаго Аммона, и какъ таковой онъ получилъ обожествленіе со стороны Птолемея Сотера, символически выражая собою проникновеніе восточныхъ началъ въ разлагающійся міръ классической государственности. Намъ не должно удивлять то обстоятельство, что культъ Александра и присоединенныхъ къ нему впоследствии Птолемеєвъ имѣлъ чисто эллинскія формы, — послѣднее вполнѣ понятно для Сотера, извѣстнаго своимъ панэллинскими симпатіями. Но подъ греческой оболочкой скрывался чисто восточный принципъ божественности монарха, подобно тому какъ въ римское время подъ формами полуреспубликанскаго принципата нерѣдко таился самый отвратительный азіатскій деспотизмъ. Обожествленіе Александра былъ тѣмъ средствомъ, при помощи котораго Птолемей намѣревался примирить грековъ съ принципами египетской государственности и вмѣстѣ съ тѣмъ легитимизировать въ глазахъ эллинскаго міра свою власть, какъ наслѣдника и преемника великаго завоевателя.

Но, разумѣется, Птолемей не могъ остановиться на учрежденіи культа Александра и долженъ былъ такъ или иначе подумать о собственномъ своемъ обоготвореніи. Въ этомъ отношеніи ему, конечно, не могло не помочь то обстоятельство, что какъ наслѣдникъ древнихъ фараоновъ онъ въ самомъ началѣ своего царствованія былъ обожествленъ со стороны туземнаго населенія своей монархіи. Теперь оставалось только распространить выполненіе культа царя и на греческихъ подданныхъ Египта, т. е. пріучить грековъ смотрѣть на Птолемея не только, какъ на героя, но какъ на такого же царя — бога, какимъ уже давно являлся обожествленный Александръ. Ранѣе предполагали, что Птолемей былъ официально обожествленъ только послѣ смерти своимъ преемникомъ на царскомъ престолѣ

Птолемею II Филадельфомъ и умершая вскорѣ послѣ этого царица Береника была также присоединена къ культу, составивъ вмѣстѣ со своимъ супругомъ божественную чету θεῶν Σωτῆρων. Дѣйствительно, Филадельфъ, согласно свидѣтельству декрета изъ Аморга ¹⁾, устроилъ въ честь своего отца торжественныя пентетерическія игры, въ которыхъ должны были принять участіе и представители вассальныхъ отъ Египта греческихъ городовъ. Великолѣпный храмъ, сооруженный паремъ въ честь бога—спасителя (θεὸς σωτήρ) Птолемея, служить, по справедливому замѣчанію Керста ²⁾, прекраснымъ доказательствомъ того, насколько культъ парей отличался въ то время отъ древне-греческаго почитанія героев и, дѣйствительно, обоже- ствленный послѣ смерти Сотеръ былъ уже богомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но въ настоящее время у насъ имѣются дан- ные, заставляющіе предполагать о болѣе раннемъ обоготвореніи Птолемея Сотера въ Египтѣ, чѣмъ то, на которое указываетъ де- кретъ изъ Аморга. Въ числѣ надписей, опубликованныхъ Ruben- sohn'омъ въ Arch. f. Papyrusforschung V, 156 имѣется одна, даю- щая чрезвычайно любопытныя данныя о культѣ Птолемея I и Бе- реники, и относящаяся ко времени при жизни Сотера: Βασιλέα Πτολεμαῖον καὶ βασίλισσαν Βερενίκην θεοὺς Σωτῆρας Ἡλιόδαρος Θουμώιδης Ἑρμογένης σφδέντες εὐχὴν. Въ данномъ случаѣ интересно не только то, что Птолемей называется Сотеромъ при жизни, и что Береника является здѣсь богиней, вмѣсто обычной формы Β. τὴν βασιλέως Π. γυναικα, самый фактъ обоготворенія царствующей четы при жизни противорѣчитъ общепринятому ранѣе взгляду, по которому культъ θεῶν Σωτῆρων считался учрежденнымъ только Филадельфомъ ³⁾. Ока- зывается уже Птолемей I сдѣлалъ тотъ шагъ, въ силу котораго культъ царствующаго монарха получилъ обще-государственное зна- ченіе. То обстоятельство, что именно онъ, наслѣдникъ древнихъ фараоновъ, изъ всѣхъ діадховъ первый рѣшился, такъ сказать,

¹⁾ Syll. I² 202.

²⁾ Ук. соч. II, 411.

³⁾ Опубликованной Rubensohn'омъ надписью окончательно рѣшается, какъ намъ кажется, и вопросъ о времени официальнаго введенія титула „Сотеръ“ въ Египтѣ. Предполагать, что послѣдній введенъ въ употребленіе только въ 261 г., въ настоящее время не имѣется никакихъ основаній. (См. объ этомъ Kaerst, ук. соч. II, 412 и Wendland, Σωτήρ, Zeitschr. f. neutestamentl. Wiss. V стр. 335 сл.).

уподобиться Александру, служить въ нашихъ глазахъ убѣдительнымъ доказательствомъ того могучаго вліянія, которое безпрестанно оказывали египетскіе элементы на образованіе эллинистическаго культа. Интересно, что культъ Сотера даже не былъ связанъ съ обоготвореніемъ Александра Великаго, — онъ существовалъ совершенно отдѣльно вплоть до Птолемея IV Филопатора, при которомъ θεοὶ Σωτῆρες были впервые включены въ общій культъ Птолемеевъ — небожителей. Такимъ образомъ едва-ли можно присоединиться къ мнѣнію Керста, ¹⁾ будто бы культъ Александра послужилъ единственнымъ источникомъ для позднѣйшаго обоготворенія Птолемеевъ — только Филадельфъ связалъ свой культъ съ именемъ Александра, первоначально же царствующій монархъ обожествлялся отдѣльно. Не столько Александръ, сколько древне-египетскія традиціи послужили, какъ намъ кажется, источникомъ этого обожествленія. — Разумѣется, помимо того обще-государственнаго культа, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, Птолемей могъ быть обожествленъ по греческому образцу въ качествѣ ἥρωας κτίστης того или иного города, что, дѣйствительно, имѣло мѣсто въ основанной имъ Птолемайдѣ. Но насколько героизація Птолемея отличалась отъ его культа, какъ царя Египта, видно изъ того факта, что почитаніе Сотера въ качествѣ κτίστης сохранилось до римскаго времени, ²⁾ когда объ обще-государственномъ культѣ этого царя, само собой разумѣется, не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, къ Птолемею вполне можетъ быть примѣнено то, что говорили мы ранѣе объ Александрѣ: оба царя были не только богами, но и героями, но героизація ихъ не имѣла ничего общаго съ тѣмъ царскимъ культомъ, который является предметомъ настоящаго изслѣдованія.

Но несмотря на общегосударственное значеніе культа Сотера, послѣднему все же недоставало того, что имѣло такую громадную роль при обоготвореніи Александра, эпимности и только Филадельфъ рѣшился сдѣлать этотъ шагъ, навѣки упрочившій положеніе

¹⁾ Ук. соч. II, 397.

²⁾ Kenyon, Greek papyri in the British Museum III стр. 70. Едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ Otto (Hermes XLV 1910 стр. 444 слл. и 632 слл.), будто бы здѣсь подъ словомъ θεοὶ σωτῆρ подразумевается Августъ, т. к. мы нигдѣ не встрѣчаемъ обоготворенія римскаго императора въ такихъ неопредѣленныхъ формахъ. См. *Plautmann* (Leipz. hist. Abh. 18, 1910 г. стр. 50) и *Blumenthal*, Der ägyptische Kaiserkult (Arch. V, 324).

династїи въ глазахъ всего культурнаго міра. Самый процессъ обоготворенія Птолемея II представляется, по толкованію Prott'a ¹⁾, слѣдующимъ образомъ. Въ 270 году умерла царица Арсиноя, любимая жена и сестра царствующаго монарха. Умершая была обожествлена Филадельфомъ подъ именемъ «братолюбивой» — θεᾷ Φιλᾷδελεφου, имя, которое было присвоено царицѣ еще при жизни. Но царственный братъ не могъ остаться позади своей обоготворенной сестры и также былъ присоединенъ къ ея культу. Такимъ образомъ возникъ культъ θεῶν Ἀδελφῶν, который тутъ же былъ соединенъ царемъ съ ранѣе существовавшимъ культомъ Александра. Эта версія, раздѣляемая также Корнеманомъ ²⁾, Ад. Бауеромъ ³⁾, Вилькеномъ ⁴⁾, Белохомъ ⁵⁾ и Gruppe ⁶⁾, кажется намъ, однако, мало правдоподобной по своей очевидной натянутости и слишкомъ большому значенію, которое придаютъ ея сторонники совершенно случайному событію, каковымъ была преждевременная смерть Арсинои. Мы склонны присоединиться скорѣе къ версії, предложенной Керстомъ ⁷⁾, по мнѣнію котораго культъ самого царя возникъ раньше обоготворенія его сестры, что доказывается не только аналогіей съ учрежденіемъ царскаго культа въ Сиріи, но и тѣмъ, что канефоратъ Арсинои упоминается въ государственныхъ актахъ только лишь начиная съ 267 года, т. е. специальное женское жречество царицы было учреждено уже послѣ образованія общаго культа θεῶν Ἀδελφῶν. Мы позволимъ себѣ пойти еще нѣсколько дальше Керста и выставляемъ предположеніе, что Филадельфъ былъ обожествленъ непосредственно послѣ своего восшествія на престолъ, или, по крайней мѣрѣ, послѣ 279 года, когда имъ были учреждены торжественныя игры въ честь Сотера ⁸⁾. Только это объясненіе пред-

¹⁾ Mitteilungen d. Deutsch. Archaeol. Inst. zu Athen 27 (1902) стр. 466 слл.

²⁾ Klio, I, 71.

³⁾ Ук. соч. стр. 69.

⁴⁾ Grundz. I, стр. 99.

⁵⁾ Griech. Gesch. III, 373.

⁶⁾ Griech. Mythol und Religionsgesch. II (1906), 1511. Ср. также Otto, ук. соч. II, 274 и Bouché-Leclercq, Histoire des Lagides, т. I (1903) стр. 181 и 236.

⁷⁾ Ук. соч. II, 416. Ср. также ст. Plamann'a у Pauly-Wissowa, т. VIII (1913) стр. 1431.

⁸⁾ Последнее, пожалуй, болѣе вѣроятно, если принять во вниманіе аналогію съ послѣдующими царями, которые обоготворились только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего восшествія на престолъ. (Wilcken, Chrestomathie 110 стр. 136).

ставляется намъ возможнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ придется предположить, что въ исторіи возникновенія царскаго культа въ Египтѣ съ воцареніемъ Филадельфа произошелъ регрессъ, и новый монархъ не рѣшился принять того обоготворенія, которымъ пользовался его предшественникъ. Такимъ образомъ наканунѣ 270 года въ Египтѣ существовало три божества, культъ которыхъ имѣлъ официальное значеніе,—это были Александръ, Сотеръ и Филадельфъ. Въ 270 году не произошло никакого переворота въ исторіи эллинистическаго культа царей, какъ это предполагалось равнѣе, а просто культъ царствующаго монарха былъ присоединенъ къ давно уже обоготворенному Александру, чему конечно могла способствовать и смерть Арсиной, хотя впрочемъ, послѣдняя, по аналогіи съ Береникой, была, быть можетъ, обожествлена еще при жизни. Такимъ образомъ, Птолемей II является не основателемъ, а только лишь реорганизаторомъ новаго культа и самый фактъ присоединенія θεῶν Ἀλελφῶν къ Александру былъ необходимымъ условіемъ прочности царскаго обоготворенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ сакральной организаціи Египта получился-бы хаотическій беспорядокъ, какъ это имѣло мѣсто въ Римѣ, гдѣ культъ отдѣльных императоровъ не былъ связанъ между собой. Птолемей II, не могъ присоединить къ общему культу обоготвореннаго Сотера, такъ какъ послѣдній имѣлъ въ то время совершенно самостоятельное значеніе, какъ богъ—основатель династіи и не нуждался въ своемъ обоготвореніи въ качествѣ «сохранника» того или иного божества. Филадельфу оставалось присоединить свой собственный культъ или къ Птолемею I или къ Александру и, разумѣется, онъ выбралъ послѣднее уже въ силу его эпонимности. Благодаря этому, обоготворенные спасители, Сотеръ и Береника, были какъ бы оставлены за бортомъ и только Филопаторъ включилъ ихъ въ общій культъ царствующаго дома.

Въ исторіи обоготворенія царствующей династіи Птолемеевъ реформа Филадельфа имѣла рѣшающую роль¹⁾, такъ какъ всѣ послѣ-

¹⁾ Къ царствованію Филадельфа относится и древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ клятвъ именемъ царя (*Maßaffy*, On the Flinders Petrie papyri III, 56). Впослѣдствіи въ этихъ клятвахъ на первомъ мѣстѣ ставились имена царствующей четы, къ которой были присоединены предшествующіе монархи и только послѣ этого упоминались „Сараписъ, Исида и остальные боги и богини“ (*Wilcken*, Chrest. 110).

дующіе монархи присоединяли себя въ качествѣ боговъ къ культу 'Αλεξάνδρου καὶ θεῶν Ἀδελφῶν. Такъ государственный актъ 239 года датируется: 'ερ ἱερέως'Αλεξάνδρου καὶ θεῶν Ἀδελφῶν καὶ θεῶν Εὐεργετῶν, κανηφόρου Ἀρσινόης Φιλαδέλφου. Послѣдующія царицы точно также имѣли спеціальныя женскія жречества, которыя постоянно упоминаются въ актахъ, какъ напр.: κανηφόρος Ἀρσινόης Φιλαδέλφου, ἀλλοφόρος Βερενίκης Εὐεργέτιδος и т. д. Весьма вѣроятно, что обоготворенные въ самомъ началѣ эллинистической эпохи θεοὶ Σωτῆρες съ теченіемъ времени были забыты населеніемъ и поблекли передъ могуществомъ эпонимнаго культа Александра и всей династіи. Возстановить утраченное значеніе перваго царя и рѣшился Филопаторъ, который учредилъ культъ Сотера въ основанной послѣднимъ Птолемаидѣ въ верхнемъ Египтѣ¹⁾ и, кромѣ того, поставилъ Птолемея I и Беренику во главѣ всей обоготворенной династіи. Такимъ образомъ послѣ 215 года государственные акты датировались именемъ жреца 'Αλεξάνδρου καὶ θεῶν Σωτῆρων καὶ θεῶν Ἀδελφῶν καὶ θεῶν Εὐεργετῶν καὶ θεῶν Φιλοπατόρων καὶ θεῶν Ἐπιφανῶν и т. д.

Съ тѣхъ поръ какъ обоготвореніе египетскихъ монарховъ приняло официальный характеръ, культъ царствующей династіи сдѣлался обязательнымъ не только для греческихъ подданныхъ Египта, но также и для тѣхъ городовъ собственной Эллады, которые находились въ политической зависимости отъ Птолемеевъ. Мы уже видѣли, что Филадельфъ, учреждая въ честь своего покойнаго отца торжественныя игры, пригласилъ на нихъ представителей греческихъ городовъ, состоящихъ подъ протекторатомъ египетской державы. Въ этомъ приглашеніи не заключалось категорическаго требованія, но исполнить его было необходимо подъ опасеніемъ потерять покровительство могущественнаго царя, воля котораго была главной опорой существующихъ формъ правленія и независимости греческихъ городовъ. Такимъ образомъ, греки мало-по-малу свыкались съ принципами египетской государственности и это обстоятельство

¹⁾ Культъ Сотера въ Птолемаидѣ былъ по *Plaumann'y* (Ptolemais in Ober-ägypten стр. 51) и *Wilcken'y* (Grundz. I, 98) учрежденъ въ 215 г. Иного мнѣнія держится *Otto* (Priest и Temp. I, 460), относящій учрежденіе этого культа ко времени Филадельфа.

способствовало, какъ намъ кажется, постепенному исчезновенію стараго культа, который уступилъ свое мѣсто официальному обоготворенію царствующаго монарха. Александръ Великій былъ героизированъ со стороны нѣкоторыхъ зависимыхъ отъ него мало-азіатскихъ городовъ, но эта героизація не имѣла ничего общаго съ культомъ великаго царя, какъ сына Аммона и непосредственнаго преемника древнихъ царей—боговъ Египта. Изъ всѣхъ діадоховъ только Птолемей имѣлъ право считать себя наслѣдникомъ Александра, какъ бога, и дѣйствительно культъ Сотера широко распространяется въ Греціи уже въ ту эпоху, когда обоготвореніе другихъ властителей носило еще совершенно случайный характеръ. Мало того: воздвигая алтари въ честь царя, греческія общины пытаются даже оттѣнить восточное происхожденіе культа Птолемея, что, какъ мы видѣли, имѣло мѣсто при обоготвореніи Александра. Въ 304 году, когда родосцы рѣшили почитать Сотера постройкой ему великолѣпнаго храма, они предварительно спросили объ этомъ оракула Зевса-Аммона. Еще ранѣе граждане Галикарнасса, постановивъ воздвигнуть Птолемею храмъ, почтили царя и его дочь именемъ Сарapis и Исиды ¹⁾, выражая этимъ свое отношеніе къ Сотеру не какъ къ греческому герою, а какъ царю Египта, живому воплощенію древне-египетскихъ національных боговъ.

Но, повторяемъ, другіе діадокси не имѣли этого обаятельнаго восточнаго ореола, -- ихъ власть не могла быть легитимизирована учрежденіемъ того культа, который приличествовалъ только лишь египетскому царю и, благодаря этому, культъ первыхъ діадоховъ дѣйствительно мало отличался отъ стараго почитанія героевъ. Первоначально діадокси обоготворяются большею частью только послѣ смерти, притомъ главнымъ образомъ въ тѣхъ городахъ, которые были-бы обязаны имъ если не своимъ существованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, восстановленіемъ стараго политическаго могущества и пресловутой *πάτριος πολιτεία*. Но, на ряду съ этимъ сходствомъ, нельзя не признать и глубокой разницы между старымъ культомъ героевъ съ одной стороны и обоготвореніемъ новыхъ властелиновъ

¹⁾ Ἀγαθὴ τύχη (τῇ) Πτολεμαίου τοῦ Σωτῆρος καὶ θεοῦ Σαράπι Ἰσι Ἀρσινόῃ τοῖς ἱεροῖς ἱδρύσασα.

съ другой. Культъ діадоховъ былъ, по справедливому замѣчанію Керста ¹⁾, лишь сакральнымъ выраженіемъ политической зависимости греческихъ общинъ отъ ихъ высокихъ покровителей и, какъ таковой, онъ выражаетъ собой новый принципъ эллинистической эпохи, принципъ, постепенно подготовившій позднѣйшее официальное обоготвореніе царствующаго монарха. Появленіе этого принципа, дѣйствительно, органически вытекало изъ предшествующаго хода греческой исторіи—стоитъ вспомнить обоготвореніе Лизандра,—но дальнѣйшая эволюція эллинистическаго культа не обошлась, какъ намъ кажется, безъ извѣстной доли восточнаго воздѣйствія и подражанія тѣмъ формамъ, при которыхъ былъ обожествленъ Птолемей Сотеръ.

Древнѣйшимъ свидѣтельствомъ обоготворенія эллинскаго владѣтеля является декретъ скенсіевъ въ честь Антигона (311 г.) которому былъ воздвигнутъ алтарь и посвящены игры, какъ герою ²⁾. Четыре года спустя (307 г.) тотъ-же Антигонъ, совмѣстно со своимъ сыномъ Димитріемъ Поліоркетомъ, былъ обоготворенъ въ Аѳинахъ, куда онъ вступилъ въ качествѣ «освободителя». Статуи обоихъ царей были поставлены рядомъ со статуями Гармодія и Аристогитона и двѣ филы были названы именами новыхъ «боговъ-спасителей» (θεοὶ σωτῆρες). Дальнѣйшее обоготвореніе діадоховъ относится уже къ болѣе позднему времени, — таковъ былъ, напр., культъ еракійскаго владѣтеля Лисимаха, засвидѣтельствованный въ Самоѳракіи ³⁾ и въ Пріенѣ ⁴⁾. Съ именемъ этого царя связанъ шагъ, представляющій собой переходъ къ настоящему официальному обоготворенію монарха, — мы говоримъ о эпонимномъ культѣ Лисимаха въ Кассандрѣ, существовавшемъ въ то время, когда онъ занималъ македонскій престолъ (286—281 г.) ⁵⁾. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что учрежденіе эпонимаго культа

¹⁾ Ук. соч. II, 404 слз.

²⁾ O. G. I. 6.

³⁾ Syll. I² 190.

⁴⁾ O. G. J. 12.

⁵⁾ Syll. I² 196. Мнѣніе *Dittenberger'a* о эпонимномъ культѣ Кассандра въ Кассандрѣ не можетъ считаться доказаннымъ, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно, къ какому именно городу долженъ быть приуроченъ упоминаемый въ Syll I² 178 эпонимный жрецъ ('Εφ' ἑρῆως Κυβία).

Лисимаха является прямым подражаніемъ египетской политикѣ и стремленіемъ осуществить тѣ принципы абсолютной монархіи, которые были такъ характерны для царства Птолемеевъ. Впрочемъ, всѣ эти попытки оставались въ сущности безрезультатными: культъ царей распространялся въ отдѣльныхъ греческихъ городахъ, но въ Македонской монархіи онъ никогда не получилъ общегосударственнаго значенія. Несравненно важнѣе болѣе обоготвореніе діадоховъ среди подвластныхъ имъ городовъ для возникновенія царскаго культа въ той державѣ, которая заняла второе мѣсто въ исторической жизни народовъ эпохи эллинизма, — въ Сиріи. Въ доэллинистическую эпоху здѣсь не существовало царскаго культа и поэтому обоготвореніе монарховъ явилось, въ противоположность Египту, актомъ правительственныхъ распоряженій. Но почва для культивироваія новыхъ идей божественности царя въ Сиріи была подготовлена тѣмъ восточнымъ абсолютизмомъ, который съ древнѣйшихъ временъ образовалъ глубокую пропасть между монархомъ и его подданными. Съ другой стороны, примѣръ Птолемеевъ не могъ не оказать вліянія на обоготвореніе сирійской династіи, тѣмъ болѣе, что принципы египетскаго абсолютизма скорѣе могли быть осуществлены въ царствѣ Селевкидовъ, чѣмъ въ той самой Греціи, гдѣ было еще немало пережитковъ республиканской свободы старыхъ временъ. Но первоначально культъ Селевкидовъ имѣлъ чисто греческій характеръ не только по формѣ, какъ это было въ Египтѣ, но и по содержанію, и обоготвореніе сирійскихъ монарховъ ничѣмъ не отличалось отъ культа другихъ діадоховъ. Такъ основатель династіи Селевкъ Никаторъ былъ обоготворенъ въ Иліонѣ ¹⁾ и, можетъ быть, въ тѣхъ городахъ, гдѣ ранѣе существовалъ культъ Лисимаха. Впрочемъ, обоготвореніе Селевкидовъ въ греческихъ общинахъ имѣло нѣсколько своеобразный характеръ, что сближаетъ ихъ съ Птолемеями. Въ то время какъ культъ остальныхъ діадоховъ ограничивался въ большинствѣ случаевъ обоготвореніемъ только самихъ царей, Птолеми и Селевкиды обожествлялись обыкновенно вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, что выражаетъ собою торжество новаго, династическаго принципа. Такъ союзъ іонійскихъ городовъ, учреждая

¹⁾ O. G. J. 212.

культъ сирійскаго царя Антіоха Сотера, присоединилъ къ этому культу его жену Стратонику и сына Антіоха младшаго ¹⁾ Въ собственной Сиріи обоготвореніе царей первоначально ограничивалось лишь нѣсколькими городами и только въ послѣдствіи царскій культъ пріобрѣлъ обще-государственное значеніе. Скончавшійся въ 281 г. основатель династіи Селевкѣ I былъ обожествленъ своимъ сыномъ Антіохомъ подъ именемъ «Зевса—Непобѣдимаго» (Ζεὺς Νικῆτωρ). Умершему царю было воздвигнуто святилище «Никаторейонъ» въ основанной имъ Селевкіи. Антіонъ Сотеръ былъ въ свою очередь обоготворенъ послѣ смерти своимъ сыномъ Антіохомъ Теосомъ, и только этотъ послѣдній рѣшился официально обожествить себя еще при жизни, т. е. создать въ своемъ государствѣ тотъ порядокъ, который уже давно существовалъ въ Египтѣ. Но прошло еще много времени, прежде чѣмъ культъ сирійскихъ царей легъ въ основу общей государственной организаціи ихъ монархій,—только во 2-мъ вѣкѣ онъ широко распространяется по всей странѣ и получаетъ официальное значеніе. Изъ дурдуркарской надписи, относящейся, вѣроятно, ко времени Антіоха Великаго, мы узнаемъ о существованіи эпонимнаго культа царствующаго монарха, къ которому былъ присоединенъ культъ царицы ²⁾. Сходство съ Египтомъ обнаруживается также въ томъ, что культъ самого царя не имѣлъ большого значенія, гораздо важнѣе было почитаніе всей обоготворенной династіи, какъ это мы видимъ на примѣрѣ персидской Антіохіи ³⁾. Такимъ образомъ, едва ли можно утверждать, что въ обоготвореніи эллинистическихъ монарховъ главное мѣсто занималъ чисто личный элементъ: личность царя сама по себѣ не имѣла никакой роли въ сравненіи съ монархической идеей, она была лишь воплощеніемъ верховнаго божественнаго промысла, что говоритъ въ пользу восточнаго происхожденія царскаго культа. Каждый царь былъ только носителемъ монархическаго принципа, и

¹⁾ O. G. J. 222.

²⁾ O. G. J. 224.

³⁾ O. G. J. 233. Династическій характеръ царскаго культа въ Сиріи можетъ быть выведенъ и изъ дурдуркарской надписи, т. е. слова 28 строки: μετὰ τοῦς τοῦν (τὸς) ὧν καὶ ἡμῶν ἀρχιερεῖς указываютъ, повидимому, на обоготворенныхъ предковъ царя.

какъ таковой онъ получалъ божескія почести со стороны своихъ подданныхъ, а вовсе не какъ высоко—выдающаяся, богоподобная личность¹⁾.—Обоготвореніе царствующаго монарха перешло впоследствии и въ другія государства, образовавшіяся изъ имперіи Александра, какъ напримѣръ въ Пергамъ, Бактрію, Гирганію и т. д., пока наконецъ не было перенесено на римскихъ императоровъ, которые, въ свою очередь, пытались распространить свой культъ среди варварскихъ народовъ средней Европы, навѣки укрѣпляя такимъ образомъ идею божественнаго происхожденія монархической власти. Что касается той страны, которая была съ нашей точки зрѣнія родоначальницей этой идеи, Египта, то здѣсь уже въ концѣ 3-го вѣка первоначальныя греческія формы царскаго культа начали постепенно окрашиваться въ національныя цвѣта и туземное жречество стало понемногу играть видную роль въ процессѣ обоготворенія Птолемеевъ. Начиная съ Птолемея IV Филопатора²⁾, египетскіе цари титулуются какъ «вѣчно живущіе», «возлюбленные Фта», «цари верхняго и нижняго Египта», «подобные Геліосу»³⁾ и т. д. Такимъ образомъ, восточное вначалѣ только по содержанію обоготвореніе царствующаго властелина сдѣлалось впоследствии восточнымъ и по формѣ, какъ это было спустя нѣсколько столѣтій въ Римѣ, гдѣ на мѣсто первоначальнаго *divus* мало по мало появляется *dominus et deus*. Но какъ здѣсь подъ чисто римскими формами съ самаго начала скрывалось восточное содержаніе, точно также и обоготвореніе эллинистическихъ царей, не смотря на свои первоначально греческія формы, знаменуетъ собой торжество чисто—египетскаго представленія о богѣ царѣ. Наканунѣ Македонскаго

¹⁾ Если Керстъ (ук. соч. II, 210), противопоставляя древне-египетское почитаніе фараоновъ эллинистическому культу, говорить, что въ первомъ случаѣ было совершенно безразлично, назывался-ли царь Аменхотепомъ или Тутмосомъ, важно было лишь то, что онъ являлся воплощеніемъ божества, —то совершенно то-же самое можно сказать и о культѣ Птолемеевъ. Обоготвореніе этихъ послѣднихъ носить крайне шаблонный характеръ и прямо также поражаетъ отсутствіемъ всякой оригинальности, что несравненно болѣе похоже на восточныя, чѣмъ на греческія традиціи.

²⁾ Впрочемъ, уже Птолемей III приказывалъ изображать себя на монетахъ въ лучистой діадемѣ, подражалъ въ этомъ древнимъ царямъ Египта (*Head, hist. numm.* 1 изд. 714).

³⁾ См. надпись изъ Розетты (O. G. J. 90) и египетскую титулатуру Птолемея у Wilcken'a. (Chrest. 190).

владычества въ Греціи была подготовлена почва для проникновенія царскаго культа, но самый фактъ обоготворенія Александра и діадоховъ является, какъ намъ кажется, первымъ симптомомъ начинающейся оріентализаціи эллинскаго міра. «Шагъ къ византизму» былъ сдѣланъ.

Евгеній Байбаковъ.
